

Глава 2. Два основных исторических типа этноса: нация и род // Белков П.Л. Этнос аборигенов Австралии. Специальность: 07.00.07. – этнография. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ленинград, 1989 (на правах рукописи).

В сущности, в этой главе, как и во всей диссертации, говорится о несостоятельности теоретических подходов к построению теории этноса. Но в ней ничего не говорится о том, что создание такой теории принципиально невозможно. Тем более в ней не говорится о том, что надо отказаться от определения понятия этноса, просто заменив слово «этнос» на слово «этничность». В рамках теории «этничности» возникают те же самые противоречия. Неслучайно слово «этничность» ныне стараются заменить более модным словечком «идентичность». Интересно, что последует за этим?

Теоретическая часть работы «Этнос аборигенов Австралии» была написана высоким марксистским, если можно так выразиться, «классическим» (от слова «класс») штилем, но ее содержание касалось сугубо философо-научных вопросов. И читать ее следует именно сквозь призму логики и методологии науки. **Этнос – это форма, в которой общество выступает вовне.** На этом фоне даже определение рода как этноса первичной формации, несмотря на некоторую прямолинейность, имеет свое рациональное начало.

Основная идея диссертационной работы состояла в том, что проблема обоснования знания об этносе является разумной, следовательно, должны существовать способы ее разрешения. Полное отсутствие видимых результатов показало, что противоположная точка зрения, состоящая том, чтобы, сохранив средства, отказаться от решения проблемы этноса и искать те проблемы, которые разрешимы имеющимися средствами, является неверной в самой своей основе. В этом плане главным итогом данной работы следует считать упомянутое выше определение этноса: **форма, в которой материальные отношения между людьми выступают вовне.** Безусловно, это абстракция, но в этом и заключается ее теоретическая ценность в отличие от простого обобщения.

Так что в начале 1990-х гг. в исполнении «реквиема по этносу» никакой необходимости не было. Ведь речь идет о конструировании теоретического объекта под именем «этнос» (ед.ч.), а не о трудностях указания пальцем на отдельные «этносы» (мн.ч.). Об этом я писал еще в 1993 г. в статье «О методе построения теории этноса» (см. сб. «Этносы и этнические процессы». М., Наука.1993).

ГЛАВА 2.

ДВА ОСНОВНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ТИПА ЭТНОСА: НАЦИЯ И РОД.

Уместно ли в настоящее время поднимать вопрос о методе построения теории этноса? В науке, кажется, утвердилось мнение, которое можно выразить словами К.В.Чистова о том, что «важнейшим теоретическим завоеванием современной советской этнографии несомненно является создание теории этноса» /67. С.13 /. Таким образом, само существование теории этноса снимает поставленный вопрос.

Однако имеются и признаки явной неудовлетворенности господствующей концепцией. Пожалуй, отчетливее всего эта тенденция проявилась в ходе сравнительно недавней дискуссии, посвященной проблеме типологизации этносов /см. журнал «Советская этнография», №№ 3, 4, 5 за 1986 год /. Примечательна концовка этой дискуссии. В ответе своим оппонентам М.В.Крюков выдвинул предположение, что «специфика этноса не вполне адекватно отражена в наиболее часто встречающемся определении», объясняя это тем, что в сферу действия данного определения попадают и другие социальные институты, которые по логике господствующей теории этноса должны оставаться вне пределов его досягаемости /49. С.78/. Но если под определением понимать некоторое множество характеристик, позволяющих отождествлять и различать исследуемые предметы, то общераспространенное определение не может считаться таковым в подлинном смысле употребляемого слова. Поэтому, в основном принимая оценку М.В.Крюкова, думается, было бы неверно сводить суть вытекающей из нее задачи лишь к уточнению привычных представлений.

Почти в неперменном порядке формулировка понятия этноса со-

проводятся примечаниями по поводу того, что «этнос представляет собой не простую сумму признаков, а определенное целостное образование» /20. С.11/. Подобная установка прекрасно согласуется с так называемым системным подходом, следовательно, должна восприниматься как теоретически верная, коль скоро верным считается сам метод. Однако, когда дело доходит до прямого обоснования рассматриваемого определения, исследование встречается с непреодолимыми трудностями. С одной стороны, критерием истинности, явно или скрыто, объявляется наше восприятие объективной общественной реальности. С другой – тотчас обнаруживается, что как раз в непосредственном восприятии, в ощущении, единство известных признаков нам не дано. Обычно это обстоятельство констатируется пояснениями вроде: «любой из признаков этноса ... не должен абсолютизироваться», «ни один этнический признак не бывает ... обязательным» / 66. С.76, 79/. Таким образом, складывается парадоксальная ситуация. Мы знаем об этносе как целостности, единстве признаков из опыта, но именно в опыте не находим оснований нашему знанию.

Возникающая отсюда проблема этноса есть частный случай классической научной задачи – оправдания всеобщих утверждений, то есть формы существования нашего знания об окружающем мире, средствами эмпирических утверждений. Как писал Б.С.Грязнов, определить свое отношение к этой проблеме можно двояким образом: «либо считать проблему обоснования знания вполне разумной, но тогда нужно искать новые способы ее разрешения; либо, сохранив средства, отказаться от решения проблемы обоснования и искать те проблемы, которые разрешимы наличными средствами» /29. С.148/.

В этнографической литературе имеет хождение взгляд, соглас-

но которому объявляется мнимость противоречия между знанием об этносе, знанием, основанном на эмпирическом материале, и данными эмпирических исследований, предназначенных подтверждать это знание, но не подтверждающих. На практике такая трактовка равносильна признанию второй альтернативы. Так, Ю.В.Бромлей, фиксируя расщепление целостного представления об этносе при соприкосновении с реальными фактами, выказывает уверенность в том, что «перед нами свидетельство лишь того, что этнос представляет собой не отдельный компонент культуры, а определенную целостность» /17. С.31/. Очевидно, что тезис, подлежащий обоснованию, обосновывается с помощью тождественного ему по смыслу аргумента. Данный паралогизм, хотя в принципе и не снимает проблему обоснования знания об этносе, позволяет избежать явного отказа от ее решения, ибо выдает проблему за несуществующую.

Там, где Ю.В.Бромлей ставит акцент на «все-таки-существовании» цельного представления об этносе, Л.Н.Гумилев придерживается другой крайности. Отталкиваясь в своих рассуждениях от устойчивых неудач оправдать это представление простым наблюдением этнографических явлений, он открыто становится на путь отказа от решения проблемы обоснования знания об этносе как единстве нескольких признаков. Л.Н.Гумилев приводит факты, которые показывают, что из всех признаков, ассоциирующихся с понятием этноса /язык, происхождение, обычаи, материальная культура, идеология/, нет ни одного твердого признака для определения этноса, и, как он замечает, «совокупность их вообще ничего не определяет». Вывод однозначен: вынести за скобки можно только сознание отличия /«Мы такие-то, все прочие другие»/ /32. С.56, 122/.

Несмотря на видимую противоположность подходов, оба автора получают одинаковый результат. Ю.В.Бромлей не менее уверенно,

чем Л.Н.Гумилев, выносит «за скобки» самосознание» «... этнос представляет т о л ь к о / разрядка наша – П.Б. / та культурная общность людей, которая осознает себя как таковую, выделяя себя среди других аналогичных общностей» /18. С.24/.

Совпадение едва ли случайно. Одинаковость результата проистекает из одинаковости метода, по Дж.Ст.Миллю, метода различия. / «Если определенное явление возникает в связи с признаками А, В, С, Х и при этом не возникает там, где имеются лишь признаки А, В, С, то можно сделать вывод, что Х является причиной Е» /37. С.248/ /. С точки зрения этого вида обобщения вывод о самосознании как сущности этноса абсолютно корректен. Но, по замечанию самого Ю.В.Бромлея, «неправомерно было бы сводить, как это нередко делают буржуазные ученые, сущность этносов к самосознанию» /18. С.16/. Чувствуется, что для Л.Н.Гумилева это тоже аксиома. Здесь между концепциями Ю.В.Бромлея и Л.Н.Гумилева намечается расхождение.

Применение метода различия заставляет Л.Н.Гумилева вывести из определения этноса наряду с другими «индикаторами» также и экономические связи / 31. С.49 /. Вследствие этого, по правилу исключенного третьего, он в поисках материальных основ явления этноса о б р а щ а е т с я к е с т е с т в е н н ы м наукам. В его понимании, этнос – явление природное и эквивалентен форме адаптации к окружающей среде, форме, присущей специфически виду *Homo Sapiens*. Занимая такую, на первый взгляд, необычную позицию, Л.Н.Гумилев все же не выходит за пределы представления об этносе, «официально» составленного этнографией, в лице С.М.Широкова, еще в первой четверти XX века / 68. С.3-131 /. Биолого-географические элементы так или иначе связаны с этим представлением. При помощи соответствующей терминологии / территория – «ландшафт», совокупность людей с относительно замкнутыми брачными связями – «популяция»,

преобразующая деятельность людей на данной территории – «адаптация»/ их можно легко экстрагировать и противопоставить представлению об «этносе-народе», из которого они и извлекаются, как нечто самостоятельное под тем же названием.

Формулировку Л.Н.Гумилева можно было бы принять, по крайней мере, в качестве рабочей версии, если бы она не противоречила его собственному выводу о том, что нельзя вынести «за скобки» ничего, кроме сознания отличия. К тому же Л.Н.Гумилев вынужден признать, что ссылками на изменения географической среды невозможно объяснить ни возникновение новых этносов, ни их разнообразие /33. С.30-31/. Приводить созданный им теоретический мир в движение приходится опять-таки самосознанием, теперь уже вступая в противоречие с утверждением, что этнос – форма адаптации к окружающей среде. В концепции Л.Н.Гумилева именно изменения в сознании выступают в конечном счете главной причиной возникновения новых этносов: «Это всегда происходит так: в одном-двух поколениях появляется некоторое количество персон, не мирящихся с ограничениями, которые охотно сносили их деды. Они требуют себе места в жизни, соответствующего их талантам, энергии, подвигам, удачам...» /34. С.49/.

С другой стороны, утверждается и нечто совершенно противоположное. По словам Л.Н.Гумилева, рождение этноса невозможно объяснить «никаким самосознанием» / 34. С.49/. Вероятно, с той целью, чтобы как-то примирить взаимоисключающие выводы, в ткань рассуждений вводится понятие «пассионарности». Л.Н.Гумилев пишет: «Объяснить ее / пассионарность – П.Б./ мы пока можем, лишь приняв гипотезу, т.е. суждение, объясняющее отмеченные факты, но не исключающее возможности появления других объяснений: пассионарность – это органическая способность организма абсорбировать энергию внешней среды и выдавать ее в виде работы. У людей эта способ-

ность колеблется настолько сильно, что иногда ее импульсы ломают инстинкт самосохранения как индивидуального, так и видового, вследствие чего некоторые люди, по нашей терминологии – пассионарии, совершают и не могут не совершать поступки, ведущие к изменению их окружения. Это изменение касается в равной степени природной среды и отношений внутри человеческих сообществ, т.е. этносов. Следовательно, пассионарность имеет энергетическую природу, преломляющуюся через психические особенности, стимулирующие повышенную активность носителей этого признака»/33. С.219/.

Если все сказанное Л.Н.Гумилевым о сущности явления пассионарности соответствует действительности, то доказательство ее существования не может ограничиться общими рассуждениями о фактах, взятых в области общественных и естественных наук. Хотя эрудиция этого исследователя внушает неподдельное уважение, направленность его собственных замечаний настраивает читателя на ожидание аргументирования данными конкретных экспериментов.

Нельзя надеяться, что теорию Л.Н.Гумилева можно пошатнуть с помощью обвинений в биологизации, как бы ни были справедливы эти обвинения. Публикации последнего времени особенно хорошо это показывают. К сожалению, рассматриваемую теорию невозможно опровергнуть и логическими средствами. Для этого требуется доказать несуществование постулируемого Л.Н.Гумилевым «этнического поля» /33. С.192 /, а как известно, несуществование принципиально недоказуемо. Но, не будучи в силах оспаривать гипотезу о пассионарности как утверждение, логика, видимо, в состоянии опровергнуть эту гипотезу как **в ы н у ж д е н н о е** утверждение. Осуществляя операцию вынесения «за скобки», Л.Н.Гумилев должен был заметить, что «в скобках» он обязан оставить, наряду с прочими мыслимыми признаками, также и географические признаки. Следова-

тельно, не было бы надобности вторгаться в область географии, чтобы затем признать, что ее данных не хватает для раскрытия сущности этногенеза. Исследование остановилось бы на сознании отличия как единственном элементе понятия этноса, что с точки зрения элиминативной индукции не дает никакого предлога для продолжения рассуждений. Таким образом, указанная ошибка спасительна для концепции Л.Н.Гумилева не только потому, что позволяет отдать долг его общефилософским взглядам. Она обеспечивает нужный толчок к размышлениям, которые в конце концов приводят к идее пассионарности.

Ю.В.Бромлей, придя к утверждению, что «этнос» представляет только та культурная общность людей, которая осознает себя как таковую, выделяя себя среди других «аналогичных общностей», объективно назвал сознание единства и отличия причиной, в связи с которой только и возникает этнос. Ясно, что это идет вразрез с его материалистическими принципами. Чтобы снять возникшее противоречие, исследователь отрекается от данного утверждения как от утверждения, несущего на себе, фактически, функции определения этноса / Этим без формального нарушения на деле обходится логическое правило, по которому мы, приняв посылки, обязаны принять и заключение /. На вакантное место помещается высказывание, в действительности служащее первой посылкой – чувственное представление об этносе /народе /.

Однако специальная терминология сглаживает впечатление идентичности исходного и заключительного утверждения. Общепризнано, что представление об этносе имеет ряд сторон. Ю.В.Бромлей выделяет в этом представлении две самостоятельных области. В одной области перечислены признаки экономической и политической общности. Это – «социальный организм». В другой области, которую пред-

лагается именовать «этникос», расположены «собственно» этнические признаки. При сложении элементов, входящих в эти две группы, образуется, по терминологии Ю.В.Бромлея, «этносоциальный организм» / 18. С.27-32/. Таким образом, категория «этносоциальный организм» абсолютно тождественна категории «этнос» в обычном для литературы толковании.

При ответе на вопрос, есть ли в советской науке два учения об этносе /38. С.323-239; 52. С.29-37; 35. С.285/ многое зависит от избранной точки отсчета. Если судить по тому факту, что понятие единства самосознания на проверку оказывается центрообразующим для той и другой концепции /до какой степени отдают себе в этом отчет их авторы – тема особая /, можно говорить об одном учении. Если судить по тем мерам, которые предпринимаются с той целью, чтобы как-то оттеснить данное понятие с центра рассматриваемых концепций на их периферию, имеет смысл выделять два отдельных учения.

Примеров двух концепций, Л.Н.Гумилева и Ю.В.Бромлея, вероятно, будет достаточно, чтобы повторить старую истину: путем прямого обобщения фактов невозможно построить теорию, по крайней мере, непротиворечивую теорию. При этом в известной степени безразлично, методом какой индукции – элиминативной или энумеративной – воспользуется исследователь. В случае с проблемой этноса применение элиминативной индукции неизбежно приводит к тому, что в определении этноса логика принуждает оставлять только признак самосознания единства и отличия и, следовательно, сталкивает ученых, стоящих на материалистических позициях, с их собственными методологическими принципами. При попытках уберечь свои концепции от подобных столкновений за счет возвращения к использованию метода энумеративной индукции, они с той же неизбежностью вновь

оказываются перед стихийно-материалистическим представлением об этносе, которое с помощью элиминативной индукции было «обточено» до абстракции сасосознания единства и отличия. Остается либо признать, что проблема этноса по своей постановке не является разумной, либо пренебречь – не обязательно осознанно – некоторыми логическими правилами.

В свете высказанных соображений идеи, сформулированные видным советским ученым С.А.Токаревым уже четверть века тому назад, до сих пор не теряют актуального звучания для теоретической этнографии.

С.А.Токарев первым сознательно указал на противоречия в представлении об этнической общности, а, значит, указал на эмпирическое знание, заключенное в нем, как на **проблематическое** знание. «В этнографической науке – писал он – уже давно установился взгляд, что этнические общности, то есть попросту народы, отличаются друг от друга не по одному какому-нибудь признаку, а по совокупности нескольких признаков: язык, территория, общее происхождение, экономические связи, политическое объединение, культурные особенности, религия и прочее. На первое место в числе этих признаков выдвигаются то одни, то другие. В то же время нельзя определять этническую общность путем перечисления **всех** «видовых» признаков, которые играют роль в том или ином случае, **ибо ни один** из этих признаков не оказывается обязательным» / 61. С.43/.

На наш взгляд, С.А.Токареву удалось не только убедительно показать нетривиальность вопроса, но и дать ему точное истолкование. Проблема этноса / «этнической общности» / – прежде всего проблема метода построения объекта исследования, обозначаемого этим словом. В этом – квинтэссенция всех рассуждений С.А.Токарева.

Итак, основная тяжесть в рассматриваемой работе ложится на тезис о недостаточности – в первую очередь, перечислительной – индукции при построении категории этноса. Как известно, помимо прочего ограниченность индуктивного метода состоит в том, что предложения, полученные с его помощью, эквивалентны по своему смыслу конъюнкции единичных предложений и им, следовательно, не может быть сообщено не только свойство необходимости, но даже всеобщности /30. С.34 /. А именно к получению такого рода утверждений стремятся этнографы /конечно, не только они /, размышляя о сущности этноса.

Таким образом, решить проблему этноса, значит дать понятие этноса в о о б щ е, а индукция, по выражению Гегеля, выявляет «общее не в с е б е, а только по соглашению» /7.С.426/.

Украинцы, русские, англичане, аргентинцы, немцы, португальцы, швейцарцы, французы, шведы, поляки, чехи, сербы, хорваты и т.д. отличаются друг от друга или по языку, или по религии, или по государственной принадлежности, или по материальной культуре, или по идеологии и т.п. Все эти названия для краткости можно заменить одним термином – «народ», «нация», наконец, «этнос» - и сформулировать мысль о том, что этносы / в данном случае тождественно: народ, нация/ отличающихся друг от друга по перечисленным признакам. Этот вывод, а точнее говоря, наблюдение, вполне отвечает истинному положению дел, но проблема, стоящая перед этнографией, в том и заключается, что исследователей интересуют не э т н о с ы, их интересует определение э т н о с а. Поэтому остается загадкой: с помощью какой логической процедуры выражение об отличиях э т н о с о в преобразуется в «определение» э т н о с а? Иными словами: почему представление о предмете исследования приравнивается к понятию об объекте исследования?

Поставив эти вопросы, мы, по-видимому, окажемся ближе всего к источнику сомнений С.А.Токарева, которые вылились в критику перечислительной индукции.

Правомерно возникает вопрос: по какой причине идея С.А.Токарева не получила должного резонанса в научной литературе? Ответ, казалось бы, находим у В.И.Козлова. В свое время этот исследователь указывал, что в работе С.А.Токарева роль окончательного вывода играет то самое определение этнической общности, которое последний, собственно, и подвергает резкой критике /46. С.101/. Действительно. Звучит оно так: «этническая общность есть такая общность людей, которая может быть основана на разных видах социальных связей – общности происхождения, языка, территории, государственной принадлежности, экономических связей, культурного уклада, религии» /61. С.53 /.

При сугубо формальном подходе к этому факту перед нами пример непоследовательности, свидетельствующий в пользу общепринятого понимания проблемы этноса. Опровергая некоторый тезис, но в конце концов получая его как результат собственных рассуждений, исследователь в сущности производит его «доказательство от противного». Однако неотвратимость, с которой построения С.А.Токарева завершаются принятием традиционного решения проблемы, можно объяснить не только его заведомой истинностью, если обратиться к способу позитивной реализации отказа от услуг перечислительной индукции. С.А.Токарев пишет о необходимости «историко-этнографического исследования» / 61. С.44 /, практически же он пользуется сравнительно-историческим методом. То есть, употребляя только что упомянутый термин, он скорее всего имел в виду как раз метод, называемый сравнительно-историческим. Но этот метод представляет собой не более, чем модификацию индуктивного метода, к тому же

любое исследование проблемы этноса характеризуется заметным сравнительно-историческим уклоном. Как следствие – почти полное сходство собственной формулировки С.А.Токарева с формулировкой, ставшей объектом его критики.

С другой стороны, нельзя не отметить, что определение, принадлежащее С.А.Токареву, выделяется на фоне известных определений этноса благодаря более выраженной дизъюнктивной структуре. Такое определение привлекательно тем, что не столь вызывающе противоречит данным опыта. Однако в итоге подобная мера должна приводить к пересмотру решающего для традиционных воззрений постулата. Согласно которому этнос – «не простая сумма признаков, а определенное целостное образование». По-видимому, именно на этом настаивал В.И.Козлов, когда писал, что «особо уязвимой Представляется та часть определения, где говорится, что этническая общность может быть основана на одном из перечисленных С.А.Токаревым видов социальных связей» / 46. С.110/. Таким образом, отсутствие последователей у С.А.Токарева объясняется, вероятно, тем, что его логика разрушала целостность уже имевшегося представления об этносе, но ничего не предлагала в качестве равноценной замены.

Несостоятельность индукции при решении вопроса об этносе в любых ее проявлениях означает, что этот вопрос разрешим только при посредстве исторического метода, или метода восхождения от простейших абстракций к более конкретным. Характерно, что Ю.В. Бромлей также предполагает использование этого метода, рассматривая его как синтез дедукции и индукции. По-видимому, допустимо и такое понимание данного метода. Однако в построениях Ю.В.Бромлея наблюдается как раз не синтез, а просто чередование этих методов / 19. С.23-58 /. И, поскольку дедуктивное умозаключение

вообще не приспособлено для совершения операции определения, чередование обоих методов равносильно применению только одного из них – индукции.

Для более адекватного восприятия последовательности предстоящего изложения было бы полезно сделать несколько предварительных замечаний. К.Маркс писал о том, что проникновению в организацию отживших общественных форм должно предшествовать построение категорий, «выражающих отношения высокоразвитых формаций» /2. С.731 /. Следовательно, прежде всего необходимо точно определить понятие нации как высшей фазы развития этноса. Это понятие станет инструментом анализа низших ступеней общественно-экономической формации в интересующем исследовании аспекте. Но, так как категория нации подобно всякой конкретной категории вмещает в себя множество определений /в литературе имеется удачный термин – «вариант категории» /51. С.74-75/, следует подобрать определение, по своим компонентам подходящее для описания отношений при различных способах производства. Это определение. Естественно, приобретает значение категории, для обозначения которой, в сущности, и был введен термин «этнос», ибо этот термин имеет очень широкое применение, не зависящее от конкретных способов производства. Таким образом, невозможно определить понятие этноса, минуя процесс определения понятия нации. Это сказывается и на работах Ю.В.Бромлея и Л.Н.Гумилева. Как можно заметить, их определения построены на выборе примеров из эпохи, представления о которой связываются с термином «нация». То есть, давая свои определения, они, фактически, определяют не этнос, а именно нацию.

Ф.Энгельс поясняет, что при историческом методе «исходим из первого и наиболее простого отношения, которое исторически, фактически находится перед нами» /3. С.497 /. В нашем случае на-

длежит исходить из г р у п п ы. Это, по-видимому, необычно для этнографической науки, которая в рамках проблемы этноса интерпретировала группу просто как совокупность людей, а не как отношение двух сторон: формы участия в производстве и формы участия в распределении.

Развитие различия этих сторон в противоположность, затем в противоречие, приводит к расслоению общества. В свою очередь, противоречия между экономическими интересами классов /если под экономическим интересом понимать форму распределения общественного продукта / вызывают столкновения внутри общества. Поэтому возникает государство – машина для подавления эксплуатируемого класса.

Государство, представляющее собой интерес господствующего класса и определяемое как машина для подавления, обнаруживает в себе противоречие именно интересу господствующего класса. Это происходит потому, что размежевание общества на противоположные классы своей обратной стороной имеет формирование и столкновение интересов отдельных территориальных группировок представителей имущих классов, стремящихся к расширению или сохранению границ территорий, которые они считают своей экономической вотчиной. Парадоксальность этого исторического обстоятельства заключается в том, что в междоусобной борьбе территориальные союзы собственников на средства производства вынуждены заручиться добровольной поддержкой эксплуатируемых классов. Понятно, что государство как орудие подавления не может гарантировать такую поддержку со стороны угнетенных слоев населения, поэтому роль средства мобилизации помощи производящих классов выполняет н а ц и я / нацио-

нальность¹. Таким образом, нация – это научная категория, обозначающая общественное отношение, при котором угнетенный класс защищает интересы господствующего класса как свои собственные. Идя по пути дальнейшего определения нации, можно сказать, что это – отношение иллюзорной общности интересов противоположных классов.

Развивая эти положения, было бы логично рассматривать нацию в качестве «инобытия» государства, если использовать гегелевский термин. Выше говорилось о том, что государство противоречит себе. Но диалектика учит, что противоречащее себе переходит не в нуль, а в определенное отрицание. Следовательно, нация есть «определенное отрицание» государства. стремясь к еще более точному отражению характера взаимодействия между нацией и государством, трудно не воспользоваться структурой одного из высказываний К.Маркса. Каждое из этих социальных отношений, нация и государство, «есть не только непосредственно другое и не только опосредствует другое, но каждое совершаясь, создает другое, создает себя как другое» / 2. С.719/. В связи с данным тезисом интересно высказывание С.М.Широкогорова о том, что «термин “нация” подразумевает и государство, если не существующее, то *in spe*» /68. С.14/. Следует, видимо, добавить, что должна быть верна и обратная формулировка этого высказывания.

I. На наш взгляд, установка на различение терминов «нация» и «национальность» не оправдала себя как средство против терминологических неясностей, что. Вероятно, проистекает из первоначального отсутствия отчетливых побудительных мотивов при введении термина «национальность». Это отмечал С.М.Широкогорov / Широкогорov С.М. Этнос. С.157 /.

Указанный вариант категории нации – «инобытие» государства – традиционная концепция признает при упоминании о подъеме национального самосознания в кризисные моменты истории, например, в период войн. Подъем национального самосознания означает временное понижение уровня классового самосознания. Таким образом, нация частично выполняет роль орудия, подавляющего социальное сопротивление эксплуатируемых классов.

Учитывая уже сформулированные положения, можно утверждать, что нация как общественное отношение складывается при наличии двух условий. Во-первых, достаточно далеко зашедший процесс классовообразования. Во-вторых, экономические предпосылки для консолидации общности интересов представителей господствующего класса на данной территории. Единство предполагает отличие, так что в известном смысле нация – это проявившее себя единство и отличие интересов отдельных отрядов представителей высших классов /именно эти, так называемые «национальные интересы» в конечном счете отражаются национальным самосознанием как единство и отличие черт языка и культуры/.

Определение нации как проявившего себя единства и отличия интересов различных группировок элитарных слоев населения подразумевает два момента в процессе формирования каждой нации. Первый – складывающаяся общность экономических и политических интересов представителей господствующего класса на данной территории / нация «в себе» /. Другой важный момент – проявление этого интереса в виде апелляций к экономически подчиненному классу непосредственных производителей / нация «для себя» /. Эти апелляции могут быть скрытыми или явными, могут иметь различное содержание, но преимущественно встречаются ссылки на особенности языка и культуры. Поскольку язык является важнейшим средством общения, то наи-

более часто даются указания на языковые отличия. Однако во многих случаях такие призывы к сознанию отличия /тем самым к единству противоборствующих классов/ весьма затруднены. Тогда используется иной «материал», всегда имеющийся в распоряжении / «общность судьбы», исключительность «духа» и пр. /.

Приписывание какой-либо черте языка или культуры дифференцирующей роли не означает ничего иного, как процесс /или начало процесса / проявления общих экономических и политических амбиций некоторого территориального союза собственников на средства производства. Общность языка и культуры может существовать или не существовать реально тем более, что критерии в определении уровня общности и различия слишком расплывчаты. Но национальными /а не просто о б щ и м и и – даже! – не обязательно общими для какого-нибудь населения/ они становятся только тогда, когда в них субстантивируется в принципе постороннее общественное отношение нации. В связи с этим, вероятно, уместно вспомнить, что и в советской, и в зарубежной литературе давно подмечен факт произвольного манипулирования особенностями языка и культуры /59. С.117/. При этом. Как отмечает К.В.Чистов, объектом такого манипулирования могут выступать иллюзорные признаки, а в других случаях объективно существующим чертам отличия может и не придаваться строго дифференцирующая функция /66. С.77, 79 /.

Положение о двух ступенях в генезисе отношения нации и положение об общности интересов данной территориальной группировки эксплуатирующих классов в качестве катализатора процесса образования отношений нации довольно неожиданно возвращает исследование к гипотезе Л.Н.Гумилева. В его «пассионариях» /«некотором количестве персон, не мирящихся с ограничениями, которые охотно сносили их деда», «особях, связанных подсознательной взаимной симпа-

тией», «вступающих в исторический процесс, сцементированными избранной ими целью и исторической судьбой», обладающих «подсознательным взаимодействием, пусть даже для того, чтобы вести споры друг с другом» /33. С.89; 34. С.49 // очень нетрудно распознать, скажем, казацкую старшину XVII века, креольскую элиту испано-американских колоний конца XVIII – начала XIX века, состоятельных бюргеров на территории нынешних Нидерландов в конце XVI - первой половине XVII века, промышленную буржуазию северных и плантаторов-рабовладельцев южных колоний Англии в северной Америке второй половины XVIII века и т.д., вообще территориальные союзы представителей привилегированных классов. Которые в своей борьбе за собственный экономический и политический суверенитет вели за собой «субпассионариев», эксплуатируемое ими население. Таким образом, несомненная заслуга Л.Н.Гумилева состоит в том, что ему удалось установить действительную историческую причину формирования отдельных национальных образований. Однако при этом действительно рациональное зерно его концепции оказывается скрытым под толстым слоем естественно-научной информации. Иными словами, классовая трактовка процесса возникновения наций была «закодирована» Л.Н.Гумилевым в терминах природных явлений.

Безусловно, понятие отношения обнаружившего себя единства интересов отдельных отрядов экономически доминирующих классов как один из вариантов понятия нации – з а к о н, поэтому упрощает, обедняет реальную действительность. Общность территории или четкое классовое размежевание не являются фатально необходимыми для национальных движений. В качестве заменителей успешно действуют различные виды ущемления интересов «со стороны». Яркой иллюстрацией служит характер движений в Центральной и Юго-Восточной Европе в XIX веке. А.С.Мыльников пишет,

что начальный период становления наций у чехов, словенцев, словаков, болгар протекал в обстановке «неполных» социальных структур, т.е. при отсутствии «своего» господствующего класса, а также в некоторых случаях в условиях раздробленности территории /54. С.6; 55. С.31/. Следовательно, первые стадии формирования нации часто представляют собой проявление общности интересов «чужого» господствующего класса, иначе говоря, существуют не столь редкие ситуации, когда зарождение национальных отношений происходит главным образом под влиянием извне.

В «Немецкой идеологии» мы находим высказывание, которое содержит вариант понятия нации, до настоящего времени остававшийся в тени и, как думается, определенным образом перекликающийся с предлагаемыми выводами. «Гражданское общество, - писали К.Маркс и Ф.Энгельс, - обнимает все материальное общение индивидов в рамках определенной ступени развития производительных сил. Оно обнимает всю торговую и промышленную жизнь данной ступени и постольку выходит за пределы государства и нации, хотя, с другой стороны, оно опять-таки должно выступать вовне в виде национальности и строиться внутри в виде государства» / 1. С.35/. Пользуясь терминологией К.Маркса и Ф.Энгельса, можно, следовательно, определить нацию как форму, в которой производственные отношения выступают вовне, или, что то же самое, извне. Таким образом, частный интерес «верхушки» общества, принимая форму своей противоположности, общего интереса, выступив вовне, вместе с тем получает такую форму, возвращаясь вовнутрь, как интерес общий и для «верхов», и для «низов».

Упоминавшиеся ранее нации словаков и словенцев являются иллюстрацией не только процесса проявления общности интересов «чужого» господствующего класса, но и процесса складывания отноше-

ния нации как «инобытия» «чужого» государства. История знает примеры самого замысловатого переплетения различных факторов данного порядка. В частности, отсутствие «своего» государства не всегда означает отсутствие «своего» господствующего класса / венгры в составе империи Габсбургов/, нация может складываться не пересечении интересов нескольких соперничающих группировок /лютцебургеш / и т.д. При всем разнообразии сочетания названных факторов стержневым оказывается развивающееся и постоянно изменяющееся во времени соотношение двух сторон этого процесса: становление нации вовне и извне. В зависимости от множества достаточно случайных обстоятельств усиливается влияние одного из этих факторов. Поэтому классификация наций на основе указанного принципа / «вовне – извне» / имеет перевешивающее значение только при рассмотрении начальных этапов сложения той или иной нации, т.е. весьма условна.

В каждом случае последнее слово остается за факторами внутреннего развития производственных отношений на данной территории, за той фазой, которой достигает процесс слияния разрозненных местных рынков в единый территориальный. Так, русская нация зародилась в сфере влияния Золотой Орды, но окончательно консолидировалась как «инобытие» собственного русского государства на основе усиливающихся процессов внутреннего товарного обращения, создания единой системы рыночных отношений на территории Северо-Восточной Руси / 5. С.164/.

Рассматривая нацию как форму отношений между классами, мы тем самым признаем, что нация как таковая не принадлежит к миру чувственно воспринимаемых вещей / отсюда ее неуловимость для индукции /. Реальность нации не в предметности, а в том, что она есть объективно существующее общественное отношение. Здесь ви-

дится явная аналогия рассуждениям К.Маркса о стоимости как общественном отношении /29. С 203 /. Но общественные отношения «всегда с в я з а н ы с в е щ а м и и п р о я в л я ю т с я к а к в е щ и» / 3. С 498 /. В этом – ответ на вопрос о коренном концептуальном различии между взглядами Ю.В. Бромлея и Л.Н.Гумилева. Если Ю.В.Бромлей отождествляет отношение нации с его «вещной оболочкой» / термин К.Маркса /, т.е. с тем, что описывается традиционным «перечислительным» определением нации, то Л.Н.Гумилев это отношение «материализует» под видом «этнического поля», допуская его сравнение с электромагнитным полем /33. С. 192 /.

Основываясь на тезисе о различении нации как таковой, как особой формы отношений между классами, и ее «вещной оболочки», можно по-новому взглянуть на вопрос о причине проникновения в научную литературу термина «национальность». Обескураживающее, казалось бы, противоестественное обстоятельство, когда нация предстает перед исследователем то как общественное отношение, то как в е щ ь, т.е. население с определенными характеристиками, было поверхностно воспринято как сознание необходимости найти новый т е р м и н. Термин, как известно, был найден, но в качестве ответа на смутно беспокоившие науку вопросы он мог привести только к двум исходам. Либо термин «национальность» становится синонимом «принадлежности к нации» и тогда, по верному замечанию С.М.Широкогорова, «смысла необходимого для этнографа не имеет» / 68. С.15 /, либо начинает сближаться по своему употреблению с термином «нация», производным от которого он и является. В последнем случае неясности с определением понятия нации лишь усугубляются, впитав в себя дополнительные сложности поиска отличий понятия нации от понятия национальности, которое ввиду своего сомнительного происхождения стремится к слиянию с первым. Оба исхода присутствуют в современ-

ной науке, где термин «национальность» в значении «принадлежность к нации» используется преимущественно в статистических целях.

По К.Марксу, конкретные категории выступают в «чистом виде» в условиях менее развитых формаций / 2. С.734 /. И в «абстрактной определенности» категория нации существует при господстве рабовладельческого способа производства. Это понятно, так как эксплуатация рабского труда является сильным тормозом классового расслоения внутри данного общества, создавая достаточно прочный фундамент общности интересов аристократии и неимущих свободных. Поэтому, делая поправку на то. Что нация не просто совокупность людей, но особое общественное отношение между людьми, можно присоединиться к мнению С.А.Токарева, приравнивавшего понятие античной нации / в его терминологии, «демоса» / к понятию свободных граждан полиса /61. С.49 /. Критерий «абстрактной определенности» применим, вероятно, и к понятию раннефеодальной нации / «народности» / эпохи так называемых «варварских королевств».

С упрочением феодального способа производства развиваются противоречия между классом землевладельцев-феодалов и классом крестьян. Однако положение феодала в системе общественного разделения труда не требует создания отношения нации как отношения иллюзорной общности противостоящих друг другу классов. Формально различные повинности крестьян в пользу сеньора – «плата», которую он, будучи профессиональным воином, получает за «охрану» мирного труда своих подданных. На этом держится представление об общности интересов тех и других, надо отметить, в период прогрессирования феодализма общности вполне реальной. Поэтому средством «необходимым и достаточным» становится с л о в и е, определяемое нами как отношение закрепленных в обычае или законе прав и обязанностей. Отличие категории сословия от категории на-

ции заключается в том, что она отражает такое отношение между классами, когда интересы господствующего класса принимают видимость не всеобщности, а особенности, отдельности от интересов эксплуатируемого населения. Связывая понятие сословия и понятие нации «в себе», можно добавить, что эпоха феодализма – это эпоха нации «в себе». Последнее утверждение оправдывается и в том смысле, что буржуазный строй пробуждается в недрах феодальной формации, а широко известно высказывание В.И.Ленина о национальных связях как связях именно буржуазных по своей социальной природе / 5. С.154 /.

Таким образом, общество, расколотое разделением труда на враждующие классы, приобретает двоякое существование. С одной стороны, это – система производственных отношений, которая в скрытом виде содержит в себе общность интересов отдельных отрядов представителей господствующих классов. С другой стороны, это – проявившая себя общность интересов различных отрядов представителей господствующих классов – нация, которая утратила непосредственную связь с системой производственных отношений и потому обладает свойством относительной самостоятельности движения.

С помощью выведенных понятий удастся проанализировать и первобытную эпоху. Первоначально можно утверждать только одно: объект исследования представляет собой нечто одномерное, «аналогичное» нации. Такая постановка проблемы обычна. Очевидно и то, что в данном случае нельзя использовать в качестве меры определения нации, включающие понятие класса. Следовательно, ничего не остается кроме использования определения, в соответствии с которым – нация – форма проявления производственных отношений вовне. До тех пор, пока исследование не выходит за рамки классовых формаций, этому определению отводится скромная роль одного

из вариантов понятия нации. Но когда приходится сравнивать две величайшие эпохи в истории человечества с точки зрения тех аспектов действительности, которые этнография издавна полагает своим специфическим полем познавательной деятельности, нейтральность указанного определения и вместе с тем его универсальность приобретают ему значение самостоятельного теоретического объекта. Этот объект и есть э т н о с.

Если мысль о том, что этнос – это **форма, в которой материальные отношения между людьми выступают вовне**, верна, то для ответа на вопрос о первобытном этносе достаточен метод дедукции.

Вероятно, можно утверждать, не опасаясь упреков в излишней смелости, что в контексте современной советской этнографии два тезиса, о которых речь пойдет ниже, не должны выглядеть совершенно чуждыми. Во-первых, что такое община? Несомненно, этим словом нужно обозначать совокупность материальных отношений, в которых первобытные люди находятся к природе и друг другу. Как бы подводя итог многолетним исследованиям, В.Р.Кабо определяет общину следующим образом: «форма существования первобытного доземледельческого общества» /43. С.3/. При этом общеизвестно, что, согласно марксистскому пониманию, общество не просто совокупность людей, но совокупность отношений между людьми.

Во-вторых, соотношение общины и рода в советской науке давно рассматривается как связь «основной» и вторичной ячеек первобытности / 23. С.91-95 /. Формулируя эту же идею более строго, мы приходим к положению о соотношении общины и рода как соотношения содержания и формы. О «направлении» рода как формы первобытных производственных отношений говорит известное по литературе определение рода в качестве организации взаимопомощи и взаимозащиты. Следовательно, род – это форма, в которой совокупность производ-

ственных отношений между первобытными людьми / община / выступает вовне. Тем самым род определяется как этнос первобытности.

Библиография (в порядке упоминания)

67. Чистов К.В. Народные традиции и фольклор. Л., 1986. С.13.
49. Крюков М.В. Главной задачей по-прежнему остается проникновение в сущность этнических связей // СЭ. 1986. № 5. С.78.
20. История первобытного общества: Эпоха первобытной родовой общины / В.П.Алексеев, Ю.И.Семенов, Л.А.Файнберг и др. М., 1986. С.11.
66. Чистов К.В. Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры // СЭ. 1972. № 3. С.76, 79.
29. Грязнов Б.С. Логика, рациональность, творчество. М., 1982. С.148.
17. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973. С.31.
32. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Вып. 1: Звено между природной средой и обществом. ЛГУ им.А.А.Жданова. Л., 1979. – Деп. в ВИНТИ АН СССР. 1979. № 3734. С.56, 122.
18. Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. М., 1981. С.24.
37. Зегет В. Элементарная логика. М., 1985. С.248.
18. Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. М., 1981. С.16.
31. Гумилев Л.Н. Этногенез и этносфера // Природа. 1970. № 1. С.49.
68. Широкогоров С.М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай, 1923. С.3-131.
33. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Вып. 2: Пассионарность. ЛГУ им.А.А.Жданова. Л., 1979. – Деп. в ВИНТИ АН СССР. 1979. № 3734. С.30-31.
34. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Вып. 2: Возрасты этноса. ЛГУ им.А.А.Жданова. Л., 1979. – Деп. в ВИНТИ АН СССР. 1979. № 3734. С.49
34. Там же.
33. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Вып. 2: Пассионарность. ЛГУ им.А.А.Жданова. Л., 1979. – Деп. в ВИНТИ АН СССР. 1979. № 3734. С.219.
33. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Вып. 2: Пассионарность. ЛГУ им.А.А.Жданова. Л., 1979. – Деп. в ВИНТИ АН СССР. 1979. № 3734. С.192.
18. Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. М., 1981. С.27-32.
38. Иванов К.П. Взгляды на этнографию или есть ли в советской науке два учения об этносе // Изв.ВГО. 1985. Т.117. Вып.1. С.323-239; 52. Машбиц Я.Г., Чистов К.В. Еще раз к вопросу о двух концепциях «этноса»: /По поводу статьи К.П.Иванова/ // Изв. ВГО. 1986. Т.118. Вып.1. С.29-37; 35. Гумилев Л.Н. По поводу теории этногенеза: /Письмо в редакцию/ // Изв. ВГО. 1987. Т. 119. Вып. 3. С.285.
61. Токарев С.А. Проблема типов этнических общностей // ВФ. 1964. № 11. С.43.
30. Грязнов Б.С., Дынин Б.С., Никитин Е.П. Теория и ее объект. М., 1973. С.34.
7. Гегель Г.В.Ф. Наука логики: в 3 т. М., 1970. Т.1. С.426.

46. Козлов В.И. О понятии этнической общности // СЭ. 1967. № 2. С.101.
61. Токарев С.А. Проблема типов этнических общностей // ВФ. 1964. № 11. С.53.
61. Токарев С.А. Проблема типов этнических общностей // ВФ. 1964. № 11. С.44.
46. Козлов В.И. О понятии этнической общности // СЭ. 1967. № 2. С.110
19. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983. С.23-58
2. Маркс К. Экономические рукописи 1857-58 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.13. С.731.
51. Макаров М.Г. Сложность и вариативность категорий диалектики. Л., 1988. С.74-75.
3. Энгельс Ф., Карл Маркс. «К критике политической экономии» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.13. С.497.
2. Маркс К. Экономические рукописи 1857-58 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.13. С.719.
59. Таболина Т.В. Этническая проблематика в современной американской науке. М., 1985. С.117.
66. Чистов К.В. Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры // СЭ. 1972. № 3. С.77, 79.
33. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Вып. 2: Пассионарность. ЛГУ им.А.А.Жданова. Л., 1979. – Деп. в ВИНТИ АН СССР. 1979. № 3734. С.89; 34. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Вып. 2: Возрасты этноса. ЛГУ им.А.А.Жданова. Л., 1979. – Деп. в ВИНТИ АН СССР. 1979. № 3734. С.49
54. Мыльников А.С. Народная культура и генезис национального самосознания // СЭ. 1981. № 6. С.6; 55. Мыльников А.С. Синкретизм культуры эпохи становления наций // Расы и народы. М., 1987. Вып.17. С.31
1. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.3. С.35
5. Ленин В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? // Полн.собр.соч. Т.1. С.164
3. Энгельс Ф., Карл Маркс. «К критике политической экономии» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.13. С. 498.
33. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Вып. 2: Пассионарность. ЛГУ им.А.А.Жданова. Л., 1979. – Деп. в ВИНТИ АН СССР. 1979. № 3734. С. 192
68. Широкогоров С.М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай, 1923. С.15.
2. Маркс К. Экономические рукописи 1857-58 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.13. С.734.
61. Токарев С.А. Проблема типов этнических общностей // ВФ. 1964. № 11. С.49.
5. Ленин В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? // Полн.собр.соч. Т.1. С.154.
43. Кабо В.Р. Первобытная доземледельческая община. М., 1986. С.3.
23. Бутинов Н.А. Община, семья, род // СЭ. 1968. № 2. С.91-95.

